

дзярж. ун-т харч.; уклад І.А. Пушкін; рэдкал.: Ю.М. Бубнаў (адк. рэд) [і інш.]. – Магілёў: МДУХ, 2014. – С. 312–316.

22. Янушевич, И.И. Конфессиональная ситуация в Беларуси в 1917–1941 гг. / И.И. Янушевич // Беларуская дзяржаўнасць: вопыт ХХ стагоддзя: матэрыялы Міжнар.наук.-тэарэт.канф., Мінск, 18–19 крас. 2003 г. – Мінск: БДПУ, 2004. – С. 188–190.

23. Dzwonkowski, Roman. Kościoł Katolicki w ZSSR 1917–1939. Zarys historii / Roman Dzwonkowski. – Lublin: Towarzystwo Naukowe katolickiego Uniwersytetu Lubelskiego, 1997. – 477 s.

Национальный образ белорусов (по мотивам творчества Г. Д. Гачева)

Семёнова Л. Н.

г. Минск, БНТУ

Моруа А. как-то заметил, что толковое жизнеописание встречается куда реже, чем толком прожитая жизнь. Продолжая эту мысль, можно сказать, что толковых описаний народов так же встречается гораздо меньше, чем самих народов. Между тем народописание, лежащее в основе этнологии как таковой, чрезвычайно необходимо как для самоидентификации, так и для понимания других народов. Описания должны охватывать весь спектр материальной и духовной культуры. В описании внешних проявлений народного творчества, таких как: хозяйство, зодчество, кулинария, костюм, игры, обряды, верования, мифы, песни, танцы, музыка, сказания и т. д. по всем известным этносам накоплен значительный и масштабный материал. Однако, характеристика внутреннего содержательного наполнения этого творчества, способов и стилей мышления, представлений о мироздании, всего того, что удачно отражается в понятии ментальность, чаще встречается в качестве теоретической постановки проблемы, нежели практики прикладного описания. Постигание глубин народного сознания подвластно немногим мыслителям.

В основном эту тему поднимали исследователи культур и цивилизаций, такие, как: Н. Данилевский, А.Дж. Тойнби, М. Вебер. Такое постижение удалось осуществить О. Шпенглеру, установившему взаимоотношения между морфологией мировой истории и философией, действительностью и образами человеческого

сознания в виде всеобъемлющей символики. На это была направлена «глубинная психология», или «психология глубин» К.Г. Юнга, вскрывшего архетипы психологии народов и их символическое оформление.

Неординарный вклад в народописание внес российский философ Георгий Дмитриевич Гачев (1929–2008), который в своем творчестве создал обширную панораму национальных образов народов мира. Метод своего исследования Гачев определял не как «прагматико-идеологический», а как «культурно-эвристический: понять национальное как особый талант зрения, в силу которого человек (ученый, художник...) из данного народа склонен открывать одни аспекты в бытии и духе, а выходец из другой традиции – иные» [4, с. 5]. Это поиск своего рода «энтелехии» (целевой причины по Аристотелю) «каждого народа и его национальной культуры, системы ценностных ориентиров, которая проникает и сказывается во всем от кухни и костюма до критерия научной истинности... Все выводится из целостности бытия в национальной природе» [1, с. 7].

Более 30 лет описывал Гачев национальные образы мира. Они составили 17 томов сочинений. Библиография опубликованных им работ насчитывает более 90 наименований. К сожалению, мы не встретили в них описания белорусов. Но попытаемся на основе его метода, оригинальной авторской терминологии предложить собственную версию отдельных деталей белорусского национального образа. Мышление, в контексте которого Гачев работал, он назвал «ПРИвлеченным (AТtract) – к ответственности ... в отличие от мышления ОТвлеченного (ABSTRACT), которое почтенно и ритуально в науке» [4, с. 12–13]. Подобное мышление по-настоящему ПРИ-влекает и дает надежду ПРИвлечь под уникальную «гачевскую» лупу и не описанные им лично народы.

Занятое им в научном поле место Гачев назвал экзистенциальной культурологией. В ней есть и общие для культурологии и собственные элементы и структура, позволяющие высказать предположение о том, «что более важно и как бы врожденно данному народу в его культуре» [4, с. 19].

Что роднее народу: пространство или время? Для германских народов: немцев, англичан, порожденных ими американцев, важнее время. Недаром они признаны людьми дела, предпринимательства, ценят дисциплину, точность. Великий немец И. Кант определил

время априорной формой чувственности. А великий американец Б. Франклин отчеканил формулу «время – деньги». Русский же человек работает «от забора до обеда», «долго запрягает, но быстро едет», горазд все сделать в последний момент, зима для него всегда наступает неожиданно. Точность во времени уж точно не его конек. Ему милее пространство, «родная сторонushка». Белорус тоже живет больше в пространстве, чем во времени. Время белоруса-крестьянина, «мужыка», как в любом традиционном обществе циклично (день – ночь, будни – праздники) и определено ритмом сезонных сельскохозяйственных работ (времена года, «зажынкi», «дажынкi» и т. д.) [8, с. 260]. В близких друг другу языках слово «час» по-белорусски обозначает время вообще, а по-русски – единицу времени. «Гадзіна» в белорусском – это единица времени, час, тогда как по-русски в этом слове слышится что-то от года, «години». Переставив ударение в белорусском слове на первый слог, мы вообще получим бранное слово. Вольное обращение со временем, неточное.

Белорус тоньше чувствует пространство. Однако, в отличие от «очарованного странника» русского, странствующего по бескрайним просторам, белорус дорожит малой родиной. Главное для него связь с родной землей, родной дом, очаг. «Мой родны кут, як ты мне мілы...». Белорус не любит чужаков, оторвавшихся от земли. Он осуждает «чужого пана, хто пакруціцца з тыдзень ці больш дай зноў паедзе чорт ведае куды». Не люб ему и чужой «маскаль», который всегда в дороге. Вообще «злodeй» – это тот, у кого нет дома, кто живет в дальнем темном лесу [8, с. 262].

«Родный кут» – важнейший ключ к пониманию ментальности белоруса. В экзистенциальной культурологии Гачева центральным является понятие Космо-Психо-Логос. Эта триада обозначает «тип местной природы, характер человека и национальный ум, которые находятся во взаимном соответствии и дополнительности» [3, с. 4]. Горы, море, степь, лес существенно влияют на психику людей и предрасполагают к особому рода построениям в мировоззрении и даже логике. Для описания Космо-Психо-Логоса Гачев обращается к древнему натурфилософскому языку 4-х стихий: «земля», «вода», «воздух», «огонь». Гачев полагает, что этот язык, «казалось бы, преодоленный научным развитием, обретает ныне новое звучание в связи с проблемой экологии, с необходимостью считаться

с природой и понимать ее как смысл и язык, читать ее текст и завет нам» [3, с. 4–5].

Каков же в данной системе координат «родный кут» белоруса? Не сомневаемся, что это «вода-земля», «влаго-земля», «сырая земля», «Мать сыра земля». Белая Русь, Белоруссия, Беларусь – всегда в женском роде. Народ-земледелец особенно остро чувствует, что она родная, родимая, кормилица, Мать-земля. Над ней в постоянном поклоне сгибается хлебопашец в труде и молитве за будущий урожай, ее прикрывает его сгорбленная спина. Но не только трудовым потом питается эта земля. Своей воды в ней много. Из-за обилия рек, озер, ручьев, прудов неслучайно прозвали Беларусь синеокой. Обилие влаги скапливается в болотах. Заболоченное Полесье – это особый мир и населяют его полешуки – «люди на болоте». Как только на белорусские земли пришел картофель – американский корнеплод – белорусский мужик быстро его освоил, превратив поистине в национальное блюдо. Ведь, по мнению Гачева, «картошка – это сыро-земля» [2, с. 281].

Родная сестра Беларуси – Россия – тоже «Мать сыра земля». Только в России она «бесконечный простор», «беспредельность, аморфность», «Россия – огромная белоснежная баба, расплзающаяся вширь: распростерлась от Балтики до Китайской стены, а пятки – Каспийские степи» [4, с. 206]. В сравнении с сестрой Беларусь – миниатюрная, гибкая, изящная девушка. Ничто у нее не расплзается, как тесто из дежи, напротив, талия ее тонка и схвачена обручами-границами. И стоит она на западной границе, словно направляя тела своей сестрицы на восток. Если Россия беспредельна, то Беларусь осознает свои пределы, за которыми другие народы: поляки, литовцы, на юге через болотистое Полесье еще одна сестрица – Украина, далеко не с тонкой талией, а тоже в теле, в вольные степи, в дикое поле крепкими ногами упираясь, стоит подбоченясь. Если главная река России – Волга-матушка, разливаются в ее середине, то главная река Беларуси – Неман-батюшка, ее предел, страж, течет в высоких берегах, не давая перелиться белорусской сырой земле на соседей, задерживая ее журчание, принимая на себя звонкие брызги-всплески. Не отсюда ли и белорусский язык, с его твердыми согласными, неповторимым «дзеканьем», выговором «ч» и других шипящих, коротким и глубоким «ў», частым восклицанием «добре», словно накаты волн на крутой неман-

ский берег. Ведь язык, согласно гачевской метафоре, «труба дивная», вобравшая в себя существо Космо-Психо-Логоса [3, с 185].

Так, где ты, Беларусь? Видна при таких соседях? Или прячешься за их мощными спинами, или они скрывают тебя? Где ты в Великом Княжестве Литовском, Речи Посполитой, Российской империи? Недаром одним из растительных символов Беларуси считается папороть-цветка (цветок папоротника). Загадочный, мифический цветок, символ счастья, который по легендам расцветает только один раз в летнюю ночь на Ивана Купала. Попробуй его найти в сырой лесной чаще, сорвать, донести, а потом разглядеть и понять. Так и счастье, не во внешних проявлениях себя выказывает, а глубоко в сердце спрятано [6, с. 229].

Но вернемся к «Матери сырой земле». Лежит она спокойно меж реками и озерами, распластавшись под лесами и полями, прогнувшись под холмами и болотами, терпя на себе и село, и город, и топот зверя и поступь человека. Так и белорус на своей земле: спокоен и неспешен, весь в трудах и заботах, рассудителен и мудр, терпелив и погружен в себя, без броских жестов и шумных порывов, придерживающийся традиций и не рискующий новшествами. Еще один растительный символ Беларуси – лён. Скромно стелется по земле, поигрывая крохотными цветочками, словно вобравшими в себя крупички неба. Только через труд раскрывается его польза, когда руки человеческие доведут его до полотнищ выбеленных, рушников и рубах вышитых. Так и василек, тоже созвучный с синевой Беларусью, скромный полевой цветок, выросший корнями в родную землю, прижившийся на краю поля, возделанного человеком. Как вода с землей питают друг друга, так и белорус сосуществует со своей землей. Земля у него не для прибыли, а для жизни, «мать-кормилица». При этом, не обильная, скорее скудная, чем плодородная, но своя, родная. Вместе с ней все преодолет белорус, выстоит, выдержит, «переможет». Как зубр – последний европейский представитель диких быков, сохранившихся в Беловежской пуще. Неслучайно он стал любимым животным символом Беларуси, визитной карточкой страны и ее богатейшей природы, олицетворением силы и выносливости. Белорусы издревле придавали зубрам культовое значение и поклонялись им, как символу родной природы.

По составу стихий «водо-землю» должны восполнить «воздух» и «огонь». «По Пространству должно врубиться работать Время (ритм Истории)» [4, с. 206]. Россия-Мать рождает себе Сына – русский народ с душой нараспашку, который гуляет по ее огромным просторам, «где ветер да я», стихией воздуха наполненный. При этом и мужа себе призывает, чтобы порядок в ней навел, укрепил, «крепко обнял-обхватил обручем с боков, чтобы она не распозлась: заставой богатырскою, пограничником Карацупою, железным занавесом – бабу в охряпку... И этот мужик – чужеземец. Охоча холодноватая Мать-сыра земля до огненного чужеземца» [4, с. 207]. Так и повелось в русской и белорусской истории, что упорядочивающее государственное начало – порядок-«огонь» – приходило извне. Варяги-Русь пришли к восточным славянам и обустроили Русское государство. Затем восток русской земли подмяли под себя татаро-монголы, а на запад пришла Литва, и увела за собой Беларусь. Вскоре Польша приманила к себе Беларусь европейскими приманками в виде шляхты с золотыми вольностями, католичества и уний. А там и Россия, укрепленная немцами, начиная с Петра, силу набрала, семью свою стала собирать, сестер в родимый дом постепенно вернула. Все вместе потом с идеями западными стали заигрывать, в социализм марксистский поверили, и отдались ему в трудную годину без остатка. В советские времена при интернациональном социализме всюду ротация кадров была. Кто только не правил СССР: и грузин, и украинцы, а сколько русских советской Беларусью руководили.

Гачев точно заметил, что «Народ = воля, а Государь(ство) = закон». Между ними и распялена Психея, душа русской женщины. Недаром в русском романе при ней два героя, что реализуют эти ипостаси. При Татьяне – Онегин («воздух», беглый, охотник до перемены мест) и Генерал, князь. При Анне – солдат Вронский, что не вьет гнезда, и министр Каренин. При Ольге – Обломов («голубь» – так она его чувствует, т. е. воздух) и немец Штольц... При Ларе – поэт «воз-дух»новенный, доктор Живаго, и комиссар Стрельников» [4, с. 208]. А как тонко Янка Купала угадал про свою разумницу-красавицу Павлинку, определив ей в качестве любимого доброго, но бедного учителя Якима Сороку, а в женихи, отцом выбранного, фанаберистого пана Быковского. Но если в русском романе героини были женами, то белорусская Павлинка так и осталась у раскрытого

окошка: возлюбленного арестовали, и отец в женихе разочаровался. Как устроится судьба Павлинки, что будет с Беларусью? Найдут ли они свою папороть-цветку? Затаил свой ответ Янка Купала.

Гачевская идея о темпоритмах русской жизни и истории подходит и к Беларуси. С одной стороны, добрый, трудолюбивый, но флегматичный, инертный народ, с другой стороны, «милитарное и строительное» государство – главный хозяин и предприниматель, «толкач цивилизации» [4, с. 208]. Только такое содружество помогает отвечать на вызовы окружающего мира, на притязания отнюдь не мирных соседей. Не смогла Речь Посполитая совладать с темпоритами собственной и мировой истории, не захотело шляхетство строить и защищать общее государство, свои замки оказались ему милей, и рассыпалась страна. Не поддержал такое государство белорусский мужик, не нашел в нем нужной опоры и защиты. Нашел их в Русском государстве: без европейского лоска, о чем грезила польская шляхта, порой грубом и жестоком, но всегда делающим необходимую работу, восполняющим недостающие стихии «водо-земли».

Образный, метафоричный язык, в который Гачев облакает свои впечатления о национальных образах, удивительным образом соответствует ряду научных категорий, например, такого направления в гуманитарных науках второй половины XX в., как «социология глубин», развиваемого французским ученым Жильбером Дюраном. В основе социологии глубин лежит тезис о полном преобладании в структуре общественного сознания мифа, о малой роли логического мышления, по сути о логосе всего лишь как о варианте мифоса. Исследуя структуру мифа, коллективного бессознательного, или воображаемого, «имажинера» в терминологии социологии глубин, ее последователи выделяют режимы и группы имажинера. Это «режим диурна» (дневной режим, в основе которого лежит героический миф) и «режим ноктурна» (ночной режим, вырастающий из материнских мифов о Великой Матери), который подразделяется на драматический и мистический. Кстати, Гачев пользуется терминами: «гония» (порожденное природой, естественное) и «ургия» (созданное трудом, искусственное). Германские народы – это представители классического диурна. В них преобладает «ургия». Они люди дела, числа: активные, деятельные, рациональные, выстраивающие мысленные и реальные схемы. Славянам же,

по мнению А.Г. Дугина, применившего методологию глубинной социологии, свойственен режим ноктюрна. Он полагает, что русские – мистический ноктюрен... Белорусы – чистый мистический ноктюрен, украинцы – ноктюрен, в котором есть элементы мистического (пассивность, «хорошо сидим») и драматического ноктюрна (подвижность, легкость, склонность к коллективным действиям) [5, с. 30, 31, 36, 97]. В соответствии с Гачевым, это проявления «гонии» [4, с. 21]. Для коллективного бессознательного в режиме мистического ноктюрна характерны женское мягкое понимающее начало, материнские мифы, в которых природа, ее разнообразные проявления, в том числе смерть выступают в качестве доброй, убаюкивающей и успокаивающей женщины (Мать сыра земля), эвфемизм, т. е. представление о чем-то злом, опасном, как о дружественном, хорошем. Мистическая интуиция не приемлет противоречий, разделений, различий, она работает на связывание внешнего мира, субъект становится на сторону объекта, личное сплавляется с окружающим, общественным. Человеческое «я» не слишком настаивает на себе, готово войти в положение другого, встать на его сторону. Очевидно, что коллективное бессознательное белорусского народа относится к феминоидно-мистическому типу ноктюрна, оно ближе к «гонии». Это объясняет многие особенности исторического пути белорусов: приход организующего государственного начала извне, соединение с другими общественно-политическими организмами, неприязнь к рациональным структурам, толерантность, уживчивость, умеренность требований, осторожность, «тихость». Об этом свидетельствуют известные максимы, запечатленные в белорусских народных сказках: «Усё добрэ ў меру», «Гараваў, працаваў, жыў, як усе», «Седзіць ён ціхенька да Бога хваліць, што хоць жыў астаўся», «Усё і ў галаве не змесціцца» [8, с. 112, 114, 129, 131]. В этом и заключается упорный саботаж всяческих модернизаций, который, по словам Дугина, «ноктюрен в знаменателе осуществляет по отношению к логосу в числителе» [5, с. 67].

Субъективные размышления о национальных образах Г.Д. Гачев оформляет в символические фигуры, эмблемы, модели. Например, шар-круг с центром и диаметром – модель космоса греков; дом – модель мира немцев; арка, как купол неба, нисходящий на землю – эмблема итальянцев; крест Декартовых координат с синусоидой на нем – модель мира французов; корабль-остров с мачтой – схема

бытия англичан; семисвечник (менора) – эмблема еврейства; путь-дорога в бесконечность по горизонтали равнины – русский образ мира [4, с. 26–27].

Какой символ олицетворяет белорусский образ мира? Почему бы не ромб? Ромб, ограничивающий пространство родного кута. Ромб, словно натянутый рушник-«абыдённик», который ткали по особому ритуалу в надежде преодолеть тяжелую ситуацию, а когда такая случалась, окружали им деревню, очерчивая магическое пространство – непреодолимую границу для несчастий [6, с. 7]. Ромб, или квадрат, который является повсеместным древнеземледельческим знаком поля, родной земли-кормилицы [7, с. 11]. Ромб, как главный элемент белорусского традиционного орнамента и народной вышивки, благодаря которым он вознесся на Государственный флаг Республики Беларусь.

Использованная литература

1. Гачев, Г.Д. Наука и национальная культура (гуманитарный комментарий к естествознанию) / Г.Д. Гачев. – Ростов-на-Дону: Изд-во Ростовского ун-та, 1993. – 320 с.
2. Гачев, Г. Национальные образы мира. Соседи России: Польша, Литва, Эстония / Г. Гачев. – М.: Прогресс–Традиция, 2003. – 384 с.
3. Гачев, Г. Космо-Психо-Логос: Национальные образы мира / Г. Гачев. – М.: Академический проект, 2007. – 511 с.
4. Гачев, Г.Д. Ментальности народов мира / Г.Д. Гачев. – М.: Алгоритм, Эксмо, 2008. – 544 с.
5. Дугин, А.Г. Логос и мифос. Социология глубин / А.Г. Дугин. – М.: Академический Проект; Трикста, 2010. – 364 с.
6. Мифы Беларуси / Авт.-сост. В.В. Адамчик. – Минск: Харвест, 2014. – 320 с.
7. Рассадин, С.Е. Истоки государственной символики Беларуси / С. Е. Рассадин. – Минск: Беларусь, 2014. – 112 с.
8. Чернявская, Ю.В. Белорусы. От «тутэйшых» – к нации / Ю.В. Чернявская. – Минск: ФУАинформ, 2010. – 512 с.